

Маяковский читает пьесу...

...Наша редакция по составу своему была молодежной. Самыми «старыми» были редактор да заведующий отделом информации бывший моряк Орловский. Он поглядывал на всех покровительственным взором, говорил громким басом, уснащая свою речь морскими терминами.

Если тот, к кому он обращался с вопросом, мялся, ничего определенного ответить не мог, Орловский замечал:

— Вы никогда ничего не знаете... Вас даже мичманом я не взял бы на свою посудину... Может быть, для начала юнгой, чтобы вышколить да просолить в морской воде...

Орловского все мы почтительно называли «капитаном». Это обращение он принимал снисходительно.

Иногда «капитан» выходил в редакционный коридор, чем-то напминавший узкую, но оживленную улицу. Здесь всегда было бесконечное движение, разговоры, шум... В коридоре узнавали о московских новостях, спорили о качестве заголовков и «шапок», беседовали с поэтами и критиками, недовольными подписчиками...

Когда шум становился особенно громозвучным, из комнаты литературного отдела выбегал Иосиф Уткин и умоляюще говорил:

— Товарищи, нельзя ли потише... В таких условиях просто невозможно работать...

Владимир Маяковский обычно не задерживался в коридоре. Дружески раскланиваясь с «коридорщиками», он проходил энергичной походкой в дальнюю комнату, где размещалось все собственно «комсомольское хозяйство» — бытовое отделение, отдел комсомольской работы, отдел пионеров...

В те годы поэт имел рабочую комнату в Лубянском проезде, в пяти минутах ходьбы от редакции. Все знали, что он появлялся там после полудня и обычно работал по несколько часов. Мы уже привыкли к тому, что в случае срочной надобности можно сбегать в Лубянский проезд и сделать Вла-

Активное участие В. В. Маяковского в будничной работе наших газет, в частности комсомольских, являет собой яркий пример связи поэзии с жизнью, с боевыми темами дня, которыми живет страна. Выдающийся советский поэт работал в газете не как приходящий «гость», а как ее постоянный сотрудник. В течение 1926—1929 гг. В. Маяковский был тесно связан с «Комсомольской правдой», на страницах которой были напечатаны многие его произведения, посвященные социалистической индустриализации, культурной революции, вопросам быта молодежи и ее коммунистического воспитания.

Ниже печатается отрывок из подготовляемой к печати книжки «Комсомольские годы» В. Маяковского, в котором приводятся некоторые эпизоды газетной деятельности поэта.

димиру Владимировичу очередной заказ для газетной полосы.

Помнится, после одного из выступлений газеты на тему о мещанстве и новых традициях в быту мы получили особенно много писем. Часть из них была опубликована, но мы почувствовали, что тема осталась незавершенной. Посоветовавшись, направили письма В. Маяковскому.

Спустя несколько дней Владимир Владимирович позвонил и сообщил, что стихи готовы, что он хотел бы прийти на следующий день и прочесть их. В тот момент мы еще не знали, что читательские письма и личные наблюдения навели поэта на мысль создать цикл сатирических стихотворений, посвященных уродливым явлениям в быту молодежи, бичующих мещанство, низкопоклонство перед заграницей, бюрократизм и другие язвы.

...В полдень Маяковский принес новые стихи. Назывались они «Маруся отравилась». Быстро собрался редакционный актив.

Владимир Владимирович предупредил:

— Вы, очевидно, ожидаете, что я написал нечто вроде стихотворной энциклопедии, где на каждой страничке дается ответ на любой вопрос. Так не получится, товарищи. Сегодня я взял лишь тему о

вреде слепого подражания всему заграничному. В письмах поднят миллион вопросов. Если на все отвечать, мне хватит по горло работы на всю жизнь до глубокой старости...

Маяковский не умел читать «камерно». Даже в этой маленькой аудитории его голос звучал, словно на площади:

Он был монтером Ваней, но... в духе парижан, себе присвоил званье: «электротехник Жан»...

Нам всем больше всего понравились слова, рисующие «героя» этого сатирического стихотворения Ваню-Жана. Приведенные строчки сразу как-то запомнились, стали крылатыми...

Утром газета вышла с новыми стихами Маяковского.

Поэт продолжал регулярно приходить в редакцию, всякий раз знакомясь с новыми письмами читателей и юнкоров и нередко забирая дневную почту газеты к себе домой. По всему было видно, что его по-настоящему волнует жизнь молодежи, ее запросы, увлечения, ее будущее. Маяковский настолько «вжился» в газету, настолько органически приобщился к комсомольской тематике, что писал о конкретных недостатках комсомольской работы. Именно к этому времени относится создание цикла сатирических стихов, разработанных болтунов, «героев» многочисленных нагрузок, узколобой делая, служаки, подхалимов (эти стихи впоследствии вошли в известный сборник под названием «Слоны в комсомоле»).

Думается, что именно в «комсомольские годы» Владимир Владимирович смот хорошо, глубоко и всесторонне изучить быт молодежи. Многочисленные поездки по стране, выступления перед рабочими на фабриках и заводах, на комсомольских активах, повседневное, внимательнейшее изучение писем юных читателей — все это обогащало идейно-литературный кругозор поэта.

Образы «героев» будущей комедии «Клоп» — Пьера Скрипкина, Эльзевиры Ренессанс и других рождались и выкристаллизовывались в творческом воображении Маяковского именно в эти годы.

Газетная, в подлинном смысле слова оперативная работа не мешала, а помогала поэту быть ближе к жизни, к злободневным темам. Помнится, он как-то говорил: — Вы не стесняйтесь, товарищи, загружайте меня... Я, так сказать, чернорабочий от поэзии...

Не случайно, что одна из первых читок «Клопа» была устроена в зале заседаний ЦК комсомола. Помнится, на эту читку, назначенную на вечер, собрались работники аппарата ЦК ВЛКСМ, комсомольские журналисты, активные юнкоры.

В такой «своей» аудитории поэт чувствовал себя обычно очень непринужденно, беседовал с дружеской открытостью.

Владимир Владимирович читал, как всегда, удивительно хорошо — четко, громко, выразительно.

Мы слушали его на этот раз с особым вниманием. Следя за ходом чтения, мы особенно ясно почувствовали, что идея пьесы, ее образы не появились «вдруг», что они — результат долгой и напряженной будничной деятельности в газете, результат повседневных наблюдений, тесных связей поэта с молодежью, подлинного знания жизни.

Невольно вспомнились в эти минуты «герои» газетных сатирических стихов поэта — обыватели, слепо подражающие всему заграничному, подхалимы, служаки, приспособленцы... В пьесе они стали глубже, рельефнее, поднялись до художественно обобщенных образов.

Окончив читку, Владимир Владимирович сидел за стол. Чувствовалось, что он устал. Сделали небольшую перерыв.

Обсуждение пьесы, помнится, началось выступлением юнкора, работавшего на одном из московских заводов.

— Товарищ Маяковский правильно, по-моему, подметил нездоровые черты в быте нашей молодежи. И у нас на заводе есть ребята, подпавшие под чуждые влияния... У таких людей нет никаких других идеалов, кроме одного: за-

работать всеми правдами и неправдами «длинный рубль», пристроиться к какой-нибудь обеспеченной семейке, завести уютную квартиру и всякие прочие мещанские удобства. Они теряют свой рабочий облик и становятся просто обывателями... Новая пьеса должна помочь разоблачить таких типов, предупредить молодежь от опасностей и соблазнов, которые встречаются на ее пути...

Было еще несколько выступлений, содержание которых не запомнилось. Однако все в общем сходилось на том, что пьеса злободневная, острая, нужно быстрее осуществить ее постановку.

Маяковский поблагодарил за советы и обещал «посидеть еще над пьесой».

После обсуждения группа комсомольцев-журналистов пошла провозжать Владимира Владимировича. Дорогой завязалась непринужденная, очень живая беседа. Говорили, в частности, о том, что пьесу следовало бы идейно еще более заострить. Кто-то высказал мысль, что в комедии неплохо бы «затронуть» поэтов, готовящих годами «варево из любовей и соловьев», живущих индивидуалистическо-обывательским мирком, стоящих в стороне от большой дороги нашей жизни.

— Выкладываете, выкладываете все, что вы думаете, — сказал Маяковский. — Сами понимаете, что официальное обсуждение, публичное даже в комсомоле, иногда сковывает... С трибуны полагается говорить только умные и бесспорные вещи...

Владимир Владимирович высказал пожелание «пропустить» пьесу еще в нескольких, как он выразился, «низовых аудиториях».

Такие читки вскоре состоялись. Автор внимательно отнесся к критическим замечаниям и пожеланиям своих слушателей: он внес в текст пьесы ряд изменений и дополнений, которые сделали ее более острой и злободневной.

В 1929 году В. Маяковский приехал в Ленинград.

Мы договорились о дне выступления поэта перед молодежной аудиторией. В программе — от-

рывки из «Клопа» и новой пьесы «Баня».

— Соберите мне побольше рабочих ребят с Путиловца, в том числе, ну, ваш актив, разумеется...

Вечер встречи с Маяковским был назначен в Доме печати на 6 часов.

Мы пришли за час до начала, чтобы проверить, все ли готово, если нужно, сделать дополнительный «обзвон» предприятий и т. п.

...Без четверти шесть. Появляются первые читатели. Маловато. Часы бьют шесть. Маяковский уже здесь. Через две-три минуты, поднявшись на трибуну, Маяковский по обыкновению снял пиджак. Пригласившись читать, он окинул взглядом зал.

— Есть тут товарищи с Путиловского? Поднимите руки!..

Поднятых рук было меньше, чем нам хотелось бы видеть. Опросив таким образом аудиторию и ознакомившись с ее составом, Владимир Владимирович начал чтение. К нашей радости, зал быстро наполнился... Вскоре все свободные места были заняты. Вначале Маяковский читал отрывки из «Клопа». Эта комедия была в Ленинграде еще не известна. Аудитория несколько раз прерывала чтение дружными аплодисментами.

Сделав небольшую паузу, Владимир Владимирович заявил:

— А теперь, товарищи ленинградцы, я познакомлю вас с отрывками из второй моей пьесы «Баня»... Последнее слово поэт произнес особенно громко, с удавлением.

— Это драма, — продолжал он, — но без слез и рыданий, с цирком и фейерверком, который, как вы понимаете, я в индивидуальном порядке изобразить не могу... Предоставляю все вашему воображению... Итак, действующие лица: товарищ Победоносиков — главный начальник по управлению согласованием, короче, Главначпунс...

В зале пробежал смех.

Сидевший рядом с нами юнкор с Путиловца Костя Шевелев, неутомимый борец против бюрократизма, наклонившись ко мне, сказал полуслепотою:

— Вот эту пьесу полезно бы и у нас прочитать... У нас тоже есть

такие люди... А вообще рубит смело, по-маяковски...

Закончив читать отрывки из «Бани», Владимир Владимирович вернулся к столу, где его ожидала куча записок. Среди них были и вопросы, и пожелания, и просьбы... Один слушатель просил прочитать «Облако в штанах», группа читателей хотела услышать старые стихи, написанные поэтом в дореволюционные годы.

Внимательно просмотрев «настойчивую почту», Маяковский снова вышел на трибуну.

— Дорогие товарищи! Записок — целый воз... Некоторые из них, правда, повторяют друг друга. Постараюсь ответить на все.

После короткой паузы он продолжал:

— О старых стихах, «Облаке в штанах» и прочем... Зачем вам тратить время на слушание старых стихов, которые для меня, для вас, для нашей жизни стали вчерашним днем. Самыми лучшими своими стихами я считаю те, которые написаны на этой неделе вчера, сегодня, потому что они откликаются на боевые темы дня...

Поэт коротко рассказал о своих многочисленных поездках в различные города страны, о встречах с читателями на заводах и фабриках, о своих наблюдениях и беседах, которые дали ему материал и для стихов и для пьес.

Было уже поздно. Маяковский заторопился.

— У меня еще одно деловое свидание и затем — на поезд, — сказал он. Тепло прощаясь с нами, он все-таки не удержался, чтобы не добавит:

— А собирались медленно...

Владимир Владимирович в тот же вечер уехал в Москву. У нас почему-то оставалось ощущение, что мы в чем-то «провинились». Нас успокаивало лишь, что в конечном счете, как тогда говорили, «вечер удался».

Мы чувствовали, что каждая встреча с Маяковским открывает каждого из нас, заряжает «маяковской» энергией и оптимизмом.

Н. ПОТАПОВ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

5 мая 1956 г. 3 стр.